

УДК 316.6
ББК 8.5
М60

Под редакцией *Елизаветы Бута*

Милгрэм, Стенли.

М60 Подавляй и властвуй. Как люди теряют человечность? / Стенли Милгрэм, Филип Зимбардо : [перевод с английского]. — Москва : Агентство Алгоритм, 2023. — 464 с.

ISBN 978-5-907363-38-0

Если приказать человеку бить током другого за неправильные ответы, то он будет следовать приказу до тех пор, пока не убьет. Если предложить человеку стать надзирателем в тюрьме, где содержится его же однокурсники, то в первый день он будет всеми возможными способами избегать необходимости проявлять жестокость, но только в первый день, а потом эксперимент придется остановить из-за случаев неконтролируемой агрессии со стороны группы надзирателей. Что значит для человека авторитет? На что он готов пойти ради одобрения общества? Какие преступления можно совершить по приказу, а какую черту здоровый человек не переступит никогда? Есть ли вообще такая черта? Ответы на эти вопросы вы найдете в книге двух лучших социальных психологов XX века.

**УДК 316.6
ББК 8.5**

ISBN 978-5-907363-38-0

© Бута Е., сост., 2023
© ООО «Агентство Алгоритм», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Бута. Введение 6

Стенли Милгрэм

НАЖМИ НА КНОПКУ — И УБЕЙ

Индивид и подчинение 13

Индивид и группа 115

Филипп Зимбардо

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ТЮРЬМУ

Тюремный эксперимент. Исследование заключенных
и охранников в симуляторе тюрьмы 180

Банальность зла: жизнь после Стэнфордского
тюремного эксперимента 192

Влияние и поведение 201

Влияние на установки через поведение: действия
становятся убеждениями 266

Изменение установок посредством убеждения:
поверьте мне на слово 333

Сопrotивление и подчинение влиянию:
Инь и Ян убеждения 397

Введение

В 1974 году сербская художница-акционистка Марина Абрамович решила устроить перформанс. По большому счету, именно с этого эксперимента и начался современный этап акционизма, но тогда никто настолько серьезно к готовящемуся действу не относился. День клонился к вечеру, а небольшая галерея современного искусства в Неаполе наполнялась людьми. Марина стояла в зале у большого окна и наблюдала за присутствующими. В просторной комнате с абстракционистскими картинами на стенах сейчас было только стайка модных фотографов, пара зевак и несколько светских львов и львиц из числа ценителей искусства. Все они с интересом поглядывали на художницу, но подойти к ней почему-то не решались. Девушка была сейчас так сосредоточена, что к ней побаивались приближаться, хотя многие пришли сюда именно ради нее.

Вдруг двое ее приятелей, которые всё это время ошивались неподалеку, молча вытащили из подсобки небольшой стол, наподобие школьной парты, на котором громоздились самые разные предметы: цветы, какие-то перышки, краски, ножи, веревки, пистолет... По какому принципу соединены эти предметы, понять было невозможно, но пара светских львов тут же начали с интересом рассматривать инсталляцию, пытаясь найти смысл там, где его не было.

В этот момент Марина взяла со стола небольшую плашку и вышла вместе с ней в центр комнаты. Взгляд ее застыл, в зале стало тихо, а стрелки часов начали обратный отсчет. Кое-кто попытался подойти к ней и заговорить, но художница никак на это не отреагировала, только руки, держащие табличку, чуть дрогнули, что и заставило посетителя прочесть наконец небольшой текст на листе картона:

«Инструкции: на столе лежат 72 предмета, которые можно применять ко мне как хочется. Перформанс. Я — объект. В этот промежуток времени я несу полную ответственность. Длительность: 6 часов (8 часов вечера — 2 часа ночи)».

Фотографы поняли, что эксперимент начался, и стали неохотно делать снимки, но стоящая рядом со столом девушка выглядела в кадре не очень-то интересно. Пара человек опустили свои объективы, в ожидании чего-то интересного, а один журналист вдруг подошел к столу, взял перышко и поднес его к щеке девушки. Та моргнула от легкого прикосновения пера к щеке, и эта реакция неимоверно воодушевила посетителя.

Еще минут тридцать люди по очереди подходили к художнице, чтобы нарисовать ей что-то на руке, пощекотать или просто ткнуть пальцем, а потом кому-то пришла в голову написать ей на лбу непристойное слово. Эта выходка взбудоражила толпу куда сильнее, чем все предыдущие щекотания перышком. И вот уже кто-то взял со стола нож, с преувеличенным вниманием перечитал текст на табличке, и поднес нож к шее девушки. Организаторы выставки бросились было остановить остроумца, но тот управился быстрее. Несколько смущенно давая понять охране, что он не собирался никого убивать, а просто хотел сделать небольшой надрез на коже в районе шеи, парень отложил нож в сторону и, подняв руки на головой, попятился назад, желая смешаться с толпой несколько ошарашенных зрителей. Тем временем из раны начала сочиться кровь, небольшими каплями пропитывая бурым блеском футболку художницы. Быстро отошедший от первоначального шока следующий гость выставки решил избавить девушку от запачкавшейся одежды и при помощи всё того же ножа разорвал футболку. Окровавленные лохмотья остались лежать на полу.

За какой-то совсем небольшой промежуток времени посетители выставки сажали девушку на колени, связыва-

ли ее и пинали, затем поднимали с колен, чтобы оставить на белоснежной коже художницы непристойные надписи и содрать остатки одежды, а затем вновь поставить на колени. Через пару часов девушка стояла практически нагая перед своими истязателями, а гости теперь даже не смотрели на легкомысленные перья с фломастерами на столе. Они брали лишь острые предметы и веревки, связывали художнице руки и вспарывали ей кожу.

«Я чувствовала себя изнасилованной, они срезали одежду, они втыкали мне в живот шипы роз, приставляли пистолет к моей голове, другой бы сломался».

Марина Абрамович

Когда пошел последний час эксперимента кто-то все же взял со стола тот единственный предмет, к которому до сих пор ни один из участников действия не решался прикоснуться. Это был заряженный пистолет. Посетитель сначала направил его на Марину. Художница моргнула, но не прервала эксперимент. Гость выставки передал пистолет еще кому-то, а тот, в свою очередь, со смехом передал его следующему гостю. Людям нравилось наставлять на девушку пистолет и делать вид, что нажимают на курок. Распорядитель выставки несколько раз преувеличенно громко предупреждал, что пистолет заряжен, но это лишь подзадоривало людей. И вот кому-то — кажется, это был тот фотограф, который первым взял в руки нож — пришло в голову вложить в ладонь обнаженной, истерзанной, стоящей на коленях девушки, пистолет.

— Стреляй, я говорю, стреляй! — закричал кто-то из посетителей.

— Все, время вышло. Марина, время вышло! — закричал распорядитель.

На часах, которые все это время висели прямо напротив девушки, было два часа ночи. Художница начала медленно вставать, преодолевая боль в затекших от посто-

янного сидения на коленях ногах. В зале, который секунду назад буквально громыхал от возгласов, улюлюканья и криков, воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Кое-кто бросился к выходу, чтобы поскорее покинуть галерею, а большинство людей с преувеличенным интересом стали изучать картины, висящие на стенах этого зала. Никто не решался посмотреть в глаза акционистки, над которой все они издевались на протяжении долгих шести часов.

Шесть часов потребовалось для того, чтобы люди утратили всякое подобие человечности. Не слишком ли быстро? Быть может, это были какие-то особенные, склонные к агрессии люди? Наверяд ли такие придут в художественную галерею поздним вечером. Возможно, у нас просто неверное представление о том, что именно делает нас человеком?

Ильза Кох, супруга коменданта концлагеря «Бухенвальд» предпочитала носить перчатки из человеческой кожи, считая их модным аксессуаром. Это воспринималось как нечто пусть и немного эксцентричное, но не сказать, что из ряда вон выходящее. Вероятно, на это можно будет возразить, что Германия произвела в 1930-х и 1940-х годах XX века чудовищный эксперимент над людьми, превратив их в монстров. Никто из людей в «нормальных», «приличных» странах, конечно, на такое был бы не способен. Как ни печально это говорить, но это не так. В 1963-м году Стенли Милгрэм провел всемирно известный эксперимент с электрическим током. Он просил испытуемых бить людей током за неверные ответы. От 70 до 90 процентов людей не просто соглашались на условия эксперимента, но и проходили тест до конца. За стеклом перед ними умирал от боли и корчился в судорогах актер, а испытуемые продолжали задавать вопрос, а при неверном ответе послушно увеличивали мощность подаваемого электрического тока. Их не смущали ни цифры на экране, ни отметка: «смертельно опасно» на пульте. Таковы ведь правила эксперимента. В 1971-м году Филипп Зимбар-

до провел свой знаменитый тюремный эксперимент. Ученый переоборудовал подвал Стэнфордского университета под тюрьму, набрал группу испытуемых и разделил их на «заключенных» и «надзирателей». Через неделю эксперимент пришлось свернуть из-за случаев неконтролируемой жестокости со стороны «надзирателей». Впоследствии, Зимбардо не раз критиковали за пристрастность и ангажированность в эксперименте. Согласно отчетам, психолог был максимально нейтрален и беспристрастен, однако, по воспоминаниям участников эксперимента, он явно подавал невербальные сигналы одобрения на жестокость. Но ведь ровно так выглядит схема любого буллинга, моббинга и других видов травли. Этот процесс всегда проходит с негласного, не вербализованного в приказ одобрения начальства. Травля ученика без невербального одобрения учителя практически невозможна. Впоследствии, эксперимент Зимбардо стали приводить в качестве классического примера жестокости, которая скрыта в каждом человеке, стоит ему только позволить ее проявить, но на деле все не совсем так. Эксперименты Милгрэма и Зимбардо, перформанс Абрамович и ужасы концлагерей в середине XX века весьма ярко иллюстрируют вовсе не человеческую жестокость, но ровно то, из-за чего человек смог победить в естественном отборе и взять в свои бразды правления планету. Все это свидетельство патологической покорности и конформности человека как биологического вида. Мы всегда принимаем правила игры, какими бы они ни были. Для любого человека важно одобрение его стаи. Понимая, что вне стаи он не выживет, человек стремится соответствовать требованиям своего окружения.

Спросите себя: что будет, если вы на какой-то длительный срок окажетесь в обществе людей, где принято ужинать младенцами? Это непреложный закон, который ни в коем случае нельзя обсуждать, а то случится страшное (что именно страшное, лучше не уточнять, так даже лучше). В первый же вечер вы сядете за обеденный стол, а вот

то, через какое время вы научитесь за ужином обсуждать особенности кулинарного искусства, и будет говорить о вашем уровне гуманизма. Это и позволило человеку победить в игре под названием «эволюция». Ни один другой вид не имеет такой острой зависимости от своей стаи, не способен так беспрекословно подчиняться. Впрочем, если «Общество любителей младенцев» разрастется, то это же качество сможет человечество и погубить. Как же этому противостоять? Как распадается это единство мнений? Достаточно просто одного человека в этом обществе, который сможет сказать, что не будет придерживаться этого правила и не будет ужинать младенцами. Какое бы наказание по отношению к нему не было применено, оно будет менее ужасным, чем нечто невыразимо страшное, о чем даже говорить было в этом обществе нельзя. Причем здесь важна вербализация намерения. Намного эффективнее будет, если этот человек скажет, что не будет придерживаться этого непреложного правила из-за аллергии, а вовсе не потому, что он как-то против этого закона. Тут же появятся люди, у которых тоже как-то неожиданно аллергия образовалась. Если же человек молча саботирует закон, то на авторитет власти это никак не влияет. Авторитет власти снижается в геометрической прогрессии от каждого несогласного голоса. Если правила игры в том или ином обществе не соответствуют принципам выживания вида, то рано или поздно появляются «люди с аллергией», которые меняют правила игры до приемлемого уровня. Спустя какое-то время кто-то снова предлагает ввести традицию нездоровых ужинов, но рано или поздно общество и с этим справляется.

Кто же этот «человек с аллергией»? Далеко не всегда это пассионарное меньшинство, которое ведет общество к светлому будущему. Вовсе не обязательно, чтобы этот человек был Данко, вырвавшим сердце из груди, чтобы осветить путь будущим поколениям. Хорошо, если бы среди нас жили герои, но надеяться на появление таких

статистических выбросов с точки зрения природы было бы не вполне разумно. Слишком уж это ненадежно. Это люди, чей бэкграунд, ситуация и обстоятельства жизни не позволяют следовать заданным инструкциям. Допустим, и правда, аллергия. Вероятно, человек утром видел симпатичного младенца, а сейчас вот узнал об этом правиле. Остальные ведь не видели утром младенца и для них это безликий образ, а для одного — настоящий человек. Таких обстоятельств можно придумать достаточно много, чтобы природа была спокойна: в более или менее крупном сообществе всегда будет появляться достаточно людей, которые будут против противоречащих законам выживания правил игры. К сожалению, природа иногда ошибается, а возможно, условия жизни человека в XX веке слишком сильно изменились, здесь у биологов и социологов нет единого мнения. В свободном мире человек стал куда более конформным и управляемым. Или же он всегда был таким, а появление новых технологий — это лишь повод, чтобы мы еще раз задумались о себе и о том мире, в котором мы живём.

Елизавета Бута

Стенли Милгрэм

НАЖМИ НА КНОПКУ — И УБЕЙ

Индивид и подчинение

Экспериментальная парадигма — это всего лишь план поисковых работ. Она не гарантирует успеха и окупаемости затрат, а служит только отправной точкой для вступления в область неизведанного. После Второй мировой войны в социальной психологии были разработаны три основные экспериментальные парадигмы для изучения важнейших конфликтных ситуаций. В каждой из этих парадигм человек оказывается перед дилеммой, разрешить которую он может либо в соответствии с требованиями нравственности, либо поступившись ими. Первая дилемма — противоречие между истиной и мнением большинства — была исследована Ашем в его экспериментах по изучению феномена группового давления. Второй конфликт — конфликт между альтруизмом и личной выгодой, систематически исследованный Латане и Дарли. И наконец, третий тип конфликта — это конфликт между подчинением авторитету и совестью. Именно с ним сталкиваются испытуемые в моем эксперименте по изучению феномена подчинения.

В каждой из перечисленных парадигм индивиду приходится искать ответ на один из трех вопросов:

Как поступить: высказать собственное суждение или же согласиться с мнением группы?

Принять участие в бедах другого человека или остаться в стороне?

Выполнить антигуманные приказы авторитетного лица или проявить неподчинение?

Эти проблемы — не досужая выдумка социальных психологов, они являются неизменными атрибутами человеческой жизни. Каждому неизбежно приходится сталкиваться с ними уже в силу того, что он живет в обществе и является составной его частью.

Данные эксперименты объединяет одна важная черта: во всех случаях объектом исследования является морально значимый поступок. Они представляют интерес прежде всего потому, что позволяют выявить факторы, влияющие на вероятность совершения поступков, которые при всей их конкретности и определенности имеют отношение к столь важным и непростым вещам, как моральные ценности. Однако вклад социальной психологии в изучение проблемы ценностей в конечном счете является скорее интеллектуальным, чем моральным. Эксперименты, выполненные в рамках социально-психологической парадигмы, показывают, что при объяснении поведения человека в ситуации выбора невозможно ограничиться исключительно моральной оценкой, — необходим всесторонний анализ ситуационных компонентов конфликта.

О возникновении самой идеи лабораторного исследования феномена подчинения подробно рассказывается ниже. Здесь я хочу только лишний раз подчеркнуть, что лабораторная парадигма попросту явилась научной формой выражения моей обеспокоенности проблемой подчинения авторитету, — обеспокоенности, порожденной ужасами Второй мировой войны и свойственной людям моего поколения, особенно евреям, к которым принадлежу и я. Вот как описывает известный социолог Сьюзан Зонтаг чувства, которые она испытала, когда впервые увидела фотографии, сделанные в нацистских лагерях смерти:

...Первое знакомство с фотохроникой кошмара подобно откровению, это открытие, вполне вероятно, единственное в своем роде для современного человека, сопоставимо по своему значению с Богоявлени-

ем, только в отрицательном смысле. В моем случае это были фотографии из Берген-Бельзена и Дахау. Я увидела их случайно в одной из книжных лавок Санта-Моники в июле 1945 года. Подобного потрясения я никогда раньше не испытывала. Ничто из того, что я видела прежде (ни в жизни, ни на фотографиях) не задевало меня так больно и глубоко. С тех пор моя жизнь делится для меня на две части: до того дня, как я увидела фотографии (мне тогда было двенадцать), и после. И хотя я уразумела, о чем именно были те фотографии, лишь несколькими годами позже, они, несомненно, оказали влияние на всю мою дальнейшую жизнь.

Холокост оставил след и в моей душе, и именно это обстоятельство обусловило мой интерес к феномену подчинения и стало отправной точкой для разработки конкретных форм его изучения.

В главе «Некоторые условия подчинения и неподчинения авторитету», рассказывается об экспериментах по изучению данного феномена, осуществленных до публикации моей книги.

Более полного описания проведенного исследования не существует. Впервые этот материал был опубликован в 1956 году в журнале *Human Relations*, а затем его перепечатал *American Journal of Psychiatry* в сопровождении критического разбора Мартина Орна и Чарлза Холланда. Эти ученые подошли к анализу моего исследования с точки зрения требуемых характеристик. Вскоре меня пригласили провести коллоквиум в Пенсильванском университете. Я предложил осуществить его в форме публичного диспута с профессором Орном. Оرن любезно согласился и был, вероятно, удивлен не меньше, чем я, оказавшись в аудитории, до отказа забитой зрителями, предвкушавшими нечто вроде боя гладиаторов. Дискуссия прошла на самом высоком уровне и оказалась чрезвычайно продуктивной. В опубликованной в 1972 году статье «*Interpreting*

Obedience: Error and Evidence» суммировано мое понимание феномена подчинения.

Неожиданной и довольно болезненной для меня явилась этическая критика моих экспериментов со стороны Дайаны Баумринд. Моим ответом доктору Баумринд стала статья «Этические аспекты изучения феномена подчинения», в которой я разъясняю свое видение поднятых ею этических проблем. Сейчас я хотел бы заострить внимание лишь на одном моменте. Лучшим моральным оправданием моих экспериментов является то, что они оказались приемлемыми для участвовавших в них людей. Я никогда не воспринимал всерьез критику, которая не учитывала эту толерантную реакцию испытуемых. Особенно это относится к критическим замечаниям, касающимся правомерности использования в процессе эксперимента своего рода фальсификаций (или «жульничества», как выражаются наши критики), в частности устройства, имитирующего генератор тока. Авторы этих замечаний, как правило, упускают из виду одно важное обстоятельство, а именно то, что мои испытуемые не возражали против использования данного устройства. Последнее слово при оценке этической стороны дела должно принадлежать участникам эксперимента, а не сторонним наблюдателям.

Феномены подчинения и неподчинения можно исследовать и в лабораторных условиях, но все же наиболее значимые формы их выражения мы находим в реальной жизни. Я начал проводить свои эксперименты в 1960 году. Через пять лет американцы оказались втянутыми в непопулярную войну в Юго-Восточной Азии. Тысячи молодых ребят, спасаясь от призыва, сбежали в Канаду, другие объявили себя противниками войны и отправились в тюрьму. С некоторыми из них беседовал психиатр Уиллард Гэйлин; книгу которого «War Resisters in Prison» я рецензировал для журнала «Nation».

Социальная психология — дисциплина кумулятивная. Исследователи разной степени одаренности отталкивают-

ся в своих поисках от открытий, сделанных их предшественниками. В одном из последних интервью доктор Ричард Эванс поинтересовался, от каких экспериментальных исследований я отталкивался, приступая к изучению феномена подчинения, затем мы обсудили этическое и социальное значение моих экспериментов. Привожу запись нашей беседы, сохраняя ее тональность и разговорный строй.

Эванс: Один из ваших экспериментов привлек особое внимание. В каком-то смысле он вырос из исследований, посвященных изучению феномена группового давления, вас же интересовало, как ведут себя люди, оказавшиеся в неизвестной им лаборатории и испытывающие давление со стороны авторитетного лица, экспериментатора. Как вообще у вас возникла идея такого эксперимента? Может, расскажете вкратце об этом?

Милгрэм: Зачастую бывает трудно назвать какой-то единственный источник идеи. Возникшая идея не обязательно непосредственно связана с тем, над чем ты трудился в последнее время. В 1959-1960 годах я работал у Аша в Принстонском университете, штат Нью-Джерси. Я много размышлял о его исследованиях феномена группового давления. В числе критических замечаний, прозвучавших в отношении его экспериментов, было и такое, что они не обладают сколько-нибудь очевидной общественной значимостью. В самом деле, эксперимент, в котором испытуемые должны оценить длину отрезков, на первый взгляд представляется бессмысленным. Поэтому я задался вопросом: как наполнить этот эксперимент общечеловеческим содержанием, содержанием, которое было бы понятно и близко любому человеку?

Я рассуждал примерно так. Если бы давление группы выражалось не в том, что она навязывает индивиду, а побуждает его совершить некий поступок, то есть добивается от него чего-то более существенного, то мы придавали бы большее значение поведению, спровоцированному

групповым давлением. Может ли группа, спросил я себя, заставить человека проявить жестокость по отношению к другому человеку? Я представил ситуацию, весьма похожую на ту, что была в эксперименте Аша. Здесь тоже были как подставные испытуемые, так и один наивный испытуемый, причем они имели дело уже не с отрезками, начерченными на листе бумаги, а с генератором электрического тока. Иначе говоря, я несколько модифицировал эксперимент Аша. В моем опыте группа должна была подвергать человека все более сильным и болезненным ударам тока, и вопрос заключался в том, насколько далеко пойдет испытуемый, следуя за группой. Это еще не эксперимент на подчинение, но уже шаг в нужном направлении.

Затем я стал размышлять, как это все устроить. Что принять в такой ситуации в качестве контрольной переменной? В эксперименте Аша такая переменная есть: это доля правильных ответов, данных испытуемым при отсутствии группового давления. Я сказал себе: «Ладно, предположим, я изучаю поведение человека в отсутствие группового давления. Но как тогда заставить испытуемого наращивать интенсивность ударов? Какая именно сила сможет вынудить его применять все более сильные удары?» И вдруг меня осенило: «Это должен быть экспериментатор. Именно он велит испытуемому постоянно наращивать мощность разрядов. Тут-то мы и посмотрим, как далеко пойдет человек, подчиняясь указаниям экспериментатора». В тот же момент я понял: вот она, проблема, которую я буду изучать. То был чрезвычайно волнующий момент. Я осознавал, что этот вопрос при всей его кажущейся простоте подлежит тщательному исследованию и точному измерению. Переменные, которые предстояло исследовать, были вполне очевидны; и в качестве зависимой переменной можно было принять такую мощность разряда, увеличить которую испытуемый отказался бы, невзирая на требования экспериментатора.

Эванс: Давайте немного уточним. Насколько я понимаю, мы можем говорить о двух формах подчинения — о подчинении авторитету и о подчинении групповому давлению (или о молчаливом согласии с группой). Это разграничение кажется мне весьма интересным.

Милгрэм: У этих двух форм подчинения есть как общие, так и специфические черты. Общим является то, что в обоих случаях в результате внешнего социального давления человек отказывается от своего собственного мнения. Но вместе с тем имеется ряд факторов, отличающих одну форму подчинения от другой. Собственно говоря, для описания поведения испытуемых Аша больше подходит термин «конформность», тогда как поведение моих испытуемых есть не что иное, как подчинение. Человек демонстрирует конформное поведение в ответ на давление группы, но это давление не принимает форму конкретного требования. Наоборот, наличие явно выраженного требования может даже исключить конформное поведение. Участники эксперимента Аша, высказывая свои суждения о предъявляемых им отрезках, ощущали давление группы и соглашались с ее мнением, но при этом никаких явно выраженных требований там не было. В ситуации подчинения экспериментатор предписывает испытуемому придерживаться совершенно определенной линии поведения. Это первое различие.

Второе, и очень важное, различие заключается в том, что в случае конформизма, как показывают эксперименты Аша, мы имеем дело с процессом, конечным результатом которого является гомогенизация поведения членов группы. Давление группы состоит вовсе не в том, что ты должен быть лучше или хуже меня, но в том, что ты должен быть таким же, как я. Подчинение, напротив, вырастает из дифференциации социальной структуры. Здесь нет места допущению, что все мы одинаковы, — один из нас изначально имеет более высокий статус, чем другие. И твоя задача — не подражать ему, а выполнять его указа-

ния. В результате мы имеем не гомогенизацию поведения, а его стратификацию, своего рода разделение труда.

Есть еще одно различие, весьма важное с психологической точки зрения. Почти все испытуемые Аша после завершения эксперимента отрицали тот факт, что они пошли на поводу у группы. Даже когда экспериментатор указывал им на ошибки в их суждениях, они были склонны винить в них самих себя. Совсем иначе вели себя испытуемые, участвовавшие в моих экспериментах по изучению феномена подчинения. Эти полностью снимали с себя ответственность за собственные действия. Безусловно, есть нечто общее между конформностью и подчинением. В обоих случаях человек, испытывая на себе некое внешнее социальное давление, отказывается от личной инициативы. Но есть, как видите, и очень существенные различия.

Если проанализировать проблему в более широком, философском, контексте, то и здесь мы обнаружим разницу между конформностью и покорностью. В демократическом обществе конформность выступает в качестве естественного источника социального контроля, поскольку приводит к гомогенизации поведения. Подчинение же в крайних его формах весьма характерно для систем фашистского типа, подразумевающих правовое неравенство разных членов общества. Не случайно в нацистской Германии так превозносилась добродетель подчинения, да и сама философия нацизма строилась на основе идеи о низших и высшей расах. И то и другое всегда идут рука об руку.

Эванс: В контексте проведенного вами разграничения мне представляется небезынтересным порассуждать об одном соблазнительном пороке, присущем нашей культуре. Я имею в виду курение. Сейчас, по-видимому, уже можно считать доказанным, что человек начинает курить, подражая окружающим, то есть подчиняясь их давлению. С другой стороны, авторитетные лица постоянно говорят о том, что курение приводит к сердечно-сосудистым за-

болеваниям, раку и т. д. и т. п. Таким образом, человек одновременно испытывает на себе давление как со стороны равных себе, так и со стороны авторитетных лиц. Не могли бы вы прокомментировать эту ситуацию с точки зрения обозначенных различий между конформностью и подчинением?

Милгрэм: Попробую. Во-первых, нужно сказать, что в понятии «авторитет» заключено много значений. Когда мы говорим о медиках как об авторитетных людях, мы имеем в виду, что они обладают специальными знаниями. Это не совсем та форма авторитета, которая присутствовала в моих экспериментах. Там в качестве авторитетного лица выступал экспериментатор, и испытуемые смотрели на него как на человека, наделенного правом контролировать их поведение. Подросток, который видит на экране телевизора дяденьку, толкующего о вреде курения, понимает, что этот дяденька не имеет права запретить ему курение. Во-вторых, существует определенного рода конфликт между давлением группы и давлением авторитета. Один из моих экспериментов показал, что в тех случаях, когда группа восстает против экспериментатора, она существенно подрывает его власть. Думаю, что примерно то же происходит и в случае с курением. На вас оказывает давление официальная медицина, но оно зачастую нейтрализуется за счет влияния сверстников и других окружающих. В чистом виде подчинение возможно, по-видимому, только в экспериментальных условиях, в ситуации, подобной той, что была в моем базовом эксперименте. Тогда авторитетное лицо, экспериментатор, был наделен, так сказать, полной свободой действий, и никакие посторонние влияния, кроме протестов жертвы, не составляли противовеса его давлению на испытуемого. Разумеется, в реальной жизни человек испытывает на себе множество разнонаправленных влияний, которые нейтрализуют друг друга.

Эванс: Я хотел бы обсудить с вами один момент, о котором вы, несомненно, знаете лучше меня, потому что

он непосредственно связан с вашими экспериментами. В последнее время, отчасти благодаря деятельности Конгресса, отчасти в силу некоторых перемен в понимании морально-этических аспектов деятельности психолога-исследователя, мы все чаще задаемся вопросом о правомочности действий экспериментатора по отношению к своим испытуемым. Что касается вашего первого эксперимента по изучению феномена подчинения, то совершенно очевидно, что вы действовали строго в рамках этических норм, которые существовали тогда в психологии. После эксперимента испытуемые проходили дебрифинг, человеку, игравшему роль жертвы, не было причинено никакого вреда, и т. д. Но сегодня при вовлечении людей в эксперимент исследователь должен заручиться их «информированным согласием», и это требование создает серьезные проблемы. Как вы полагаете, удалось бы вам провести ваш первый эксперимент, если бы уже тогда перед вами стояла необходимость соблюдения данного этического требования? Предположим, вы задумали эксперимент, в котором испытуемый должен оказаться в стрессовой ситуации. Таковой может быть, например, ситуация, когда экспериментатор объявляет испытуемому, что тот сейчас получит удар током.

Милгрэм: Ну, прежде всего, до тех пор, пока эксперимент еще не состоялся, вы не можете знать, будет ли это стрессом для испытуемого. Испытуемый стоит перед выбором и должен принять решение, но мы не знаем, реагирует ли он на это стрессовой реакцией. В процессе экспериментирования обнаруживается масса интересных вещей, о которых исследователь раньше даже не догадывался. Все эти разговоры об «информированном согласии» предполагают, что исследователь заранее знает, каковы будут результаты его эксперимента. А это не про меня. Впрочем, это еще не вся проблема, а лишь один из ее аспектов. Другой аспект заключается в том, что в экспериментах используются различные технические иллюзии и

испытуемые получают ложную информацию. Например, в моих экспериментах жертва вовсе не подвергалась ударам тока, хотя испытуемому и говорили, что она получает назначенное наказание. Но мы не должны забывать, что это эксперимент, в котором исследуется феномен подчинения, а значит, нам интересно поведение испытуемого, о чем сам он, естественно, не должен догадываться. Разве удался бы мой эксперимент, если бы мы сообщили испытуемым истинную его цель и посвятили их во все детали экспериментальных процедур? Это был бы уже совсем другой эксперимент. Наверное, можно разработать какую-то схему информирования, при которой людям в общих чертах объясняли бы, что их приглашают принять участие в психологическом эксперименте и что такого рода эксперименты сопряжены с использованием технических иллюзий, а иногда — с возникновением различных стрессовых ситуаций. Кроме того, можно было бы создать своего рода «банк потенциальных испытуемых», в который вносились бы имена людей, выразивших желание участвовать в психологических экспериментах. И затем можно было бы набирать для того или иного эксперимента испытуемых из числа этих людей, которые в общих чертах уже представляют, что их ожидает. Возможно, таким образом нам удастся разрешить эту этическую проблему.

Эванс: Требование информированного согласия оспаривается еще и на том основании, что в психологическом эксперименте мы в конечном счете имеем дело с чисто феноменологической ситуацией. Разве можно назвать «информированным» согласие, данное человеком заранее, когда он еще не представляет, что ему предстоит испытать? Ведь невозможно заранее рассказать ему, какие чувства или ощущения могут возникнуть у него по ходу эксперимента. Чувственный опыт, в том числе боль, плохо поддается вербализации, не так ли?

Милгрэм: Да, ваше замечание в известной мере справедливо. Тем более что до начала эксперимента исследо-